

Лилия Ковалёва

Трижды помолвлен

Может быть, Кафка – самый странный писатель из тех, что творили в прошлом столетии. Его жизнь и творческая судьба так же необычны, как и его сочинения. Ситуации, в которые попадал Кафка, принято называть абсурдными. Например, Франц утверждал, что для него не существует ничего более важного, чем его писательство. "Всё моё существо нацелено на литературу, – сообщал он отцу своей невесты Фелиции Бауэр. – Если я от литературы когда-нибудь откажусь, то просто перестану жить". Служба в страховом бюро, где он проработал до конца своих дней, писательству не мешала. Хотя он постоянно жаловался на её тяготы, но тем не менее не бросал. Более того, признавался: "Бюро? Что я сумею его когда-нибудь бросить, вообще исключено". А ещё он мечтал создать собственную семью. "Жениться... принять всех рождающихся детей, сохранить их в этом неустойчивом мире, – пишет он в письме к отцу, когда ему, кстати, уже стукнуло 36 лет, – это, по моему убеждению, самое большое благо, которое дано человеку".

Но вот и парадокс: далее помолвок дело не шло. Дважды был он обручён с Фелицией Бауэр и один раз с Юлией Вохрыцек. Но, опасаясь, что семейная жизнь повредит писательству, он в последнюю минуту каждый раз ухитрялся сбежать из-под венца. Однако на самом деле и своё писательство он высоко не ценил. Постоянно сомневался в своих способностях, редко и неохотно печатался. А перед смертью попросил друга и ду-

"Ты – моя, даже если я тебя никогда не увижу", – написал известный австрийский писатель Франц Кафка переводчице Милене Поллак. Но их встреча была предопределена Судьбой.

Милена таскала его за собой по холмам в окрестностях Вены. Сама убежала вперёд, а Франц Кафка топал за ней, отдуваясь. Целыми часами он был на ногах: то в гору, то под гору, на ветру, на ярком солнце. Ужасно много ел, спал как сурок. Потому что впервые в жизни он был спокоен. Единственные четыре дня, когда они не расставались ни на минуту и были счастливы.

Преображение зверя

Франц Кафка и волшебница

шеприказчика Макса Брода сжечь все его рукописи...

Удивительные поступки Кафки можно трактовать по-разному. Но факт, что Судьба неумолимо вела его к встрече с человеком, который, по его же выражению, стал для него "светом во мраке".

Ещё 28-летним он писал в своих дневниках, что если доживёт до сорока лет, то, наверное, женится на старой деве с выступающими вперёд, не прикрытыми верхней губой зубами... Этого не произошло: до конца жизни Франц Кафка оставался холостяком. Но именно к сорока годам он встретил и полюбил умную и прелестную молодую женщину. Она была замужем.

Любовь по переписке

Чешская журналистка Милена Есенская, в замужестве Поллак, первой перевела сочинения Кафки на иностранный язык – чешский. Как известно, он писал по-немецки, несмотря на то, что жил в Праге и говорил по-чешски. Франц Кафка по достоинству оценил перевод Милены и написал журналистке благодарное письмо. Она, жившая в это время в Вене, ответила.

Постепенно их послания друг другу удлинялись, становились всё откровеннее. Он стал рассказывать ей о вещах, про которые говорят лишь близким людям. "Ты – моя, – наконец заявил он и, подчеркнув два этих местоимения, добавил: – Даже если я тебя никогда не увижу".

Перспектива никогда не увидеть возлюбленную была вполне реальной для человека, подобного Кафке. Создававшаяся ситуация представлялась ему довольно привлекательной. Во-первых, без встречи нет риска разочарования. Во-вторых, ему на по-

роге 37-летия трудно "срываться с насиженного места" даже ради того, чтобы увидеть ту, что понимает его как никто другой. И в-третьих, он серьёзно болен: туберкулёз.

Но они встретились. И не один раз. Самая главная – первая встреча, которая их сблизила на всю жизнь, произошла в июне 1920 года.

Клерк страховой компании Франц Кафка выклячил у начальства четырёхдневный отпуск. И вот он сидел в венском кафе у Южного вокзала и пил остывшее невкусное какао. В записке, которую он собирался отправить своей подруге, Кафка сообщал и об отвратительном вкусе напитка, и о печенье, которое тоже не пришлось ему по вкусу, и об отеле, где остановился, – очень шумно, дескать, гараж рядом – и ещё брюзжал: Вена – слишком большой город для встречи двух "таких маленьких людей". Но свидание всё же назначил, на другой день у входа в гостиницу, в десять утра. И приписал в конце: "Прошу тебя, Милена, не пугай меня – не появляйся неожиданно сбоку или сзади". Ему действительно было страшно. Он не спал всю ночь. Сам себе Франц эту тревогу объяснил переизбытком впечатлений от достопримечательностей Вены. Но это было не так.

Четыре летних дня

Встреча "глаза в глаза" потрясла их обоих. Кафка увидел в Милене женщину, которая ему являлась в самых прекрасных снах. Тёмные густые вьющиеся волосы, лучистые глаза, белая кожа. Милена во Франце увидела то, что не удавалось заметить ещё ни одному человеку на свете. Её взгляд волшебницы сразу превратил его в героя её романа: удивительного, тонкого, остроумного. По-

Милена.

сле возвращения в Прагу Кафка просто бредил их встречей. "Ты шла рядом со мной, Милена!" – написал он в дневнике. Прогулки по Вене, пригородные, залитые солнцем рощицы, дальний лес с древними деревьями, куда солнце едва пробивалось сквозь густую листву. "И твоё лицо над мной в лесу, и забвенье на твоей полуобнажённой груди", – писал он в дневнике. А как можно забыть их бесконечные беседы?

Но Кафка не был бы собой, если бы не резюмировал: "Люблю я при этом вовсе не тебя, а нечто большее – моё дарованное тобой бытие". Но бытие это, уместившееся в четыре летних дня, было настолько прекрасно, что, вернувшись домой, где его ждала невеста, Кафка сообщил ей: их супружество невозможно.

Милена же после всех расчудесных прогулок по паркам и лесным окрестностям вернулась к мужу-банкиру, с которым порывать вовсе не собиралась. Она знала, что Кафка опасно болен. Уже несколько раз у него горлом шла кровь. Ему, ещё не достигшему 40 лет, оформлялась пенсия по болезни. Впрочем, тем же недугом, но в более лёгкой форме, страдала и сама Милена. Но она не хотела легко сдаваться. Не желала идти в бездну, куда Франц невольно тянул её. Возможно, этим и объяснялось её нежелание соединить с ним свою жизнь. Кафка был неспособен ни к какой борьбе, отступал перед малейшими препятствиями. Она сопротивлялась... Такой у неё был характер. Именно за участие в чешском Сопротивлении она и была упрятана в немецкий концлагерь, где погибла в 1944 году, через двадцать лет после смерти Кафки, ставшего к тому времени классиком. Кафка покинул этот мир че-

рез четыре года после их встречи в Вене.

Цифра "четыре" – судьбоносная в истории этой пары. Четыре раза Кафка приезжал в Вену. Четырежды Милена уезжала в Прагу от своего мужа. Как же ненавидел Кафка этого человека! Ненавидел, боялся и... завидовал. Именно его он вывел в романе "Замок" под именем Кламма: "Это был толстый, среднего роста, довольно неуклюжий господин. Лицо у него было без морщин, но щёки под тяжестью лет уже немного обвисли. Чёрные усы были вытянуты в стрелки. Криво посаженное пенсне поблёскивало, закрывая глаза". Неприятный тип, конечно. И Кафка пишет Милене, представляя своего героя её мужем: "Я боюсь его, я вижу его превосходство. В твоей совместной жизни с ним я на самом-то деле всего лишь мышка в "большом доме", которой в лучшем случае раз в год дозволяется открыто перебежать по ковру".

"Я, зверь лесной"

Одна из метафор человеческой судьбы Кафки – уподобление себя разным Божьим тварям. В первую венскую встречу он вообразил себя кротом, старался быть тихим и незаметным. Это не только предосторожность любовника, боящегося быть разоблачённым мужем любимой женщины. Он хотел спрятаться в своей норе, потому что так себя ощущал. Об этом его новелла "Нора", где главный герой – крот. "Я не пишу ничего такого, что бы совершенно не имело отношения ко мне", – любил повторять Кафка. Жизнерадостной и энергичной Милене удалось на какое-то время вытащить своего друга из "норы".

Но писатель вновь возвращался к теме перевоплощения. "Я, зверь лесной, лежал где-то в грязной берлоге (грязной только из-за моего присутствия, разумеется) – и вдруг увидел тебя там, на просторе, чудо из всех чудес, виданных мною, и всё забыл, себя самого забыл, поднялся, подошёл ближе... уткнулся лицом в твои ладони и был так счастлив, так горд, так свободен, так могуч".

Всякое уподобление зверю для человека с такой фантазией, с такой мнительностью и с такой остротой ощущений – это уже почти превращение. Так называется и его рассказ, одно из вершинных созданий не только Кафки, но и, пожалуй, всей литературы прошлого столетия. "Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое".

Переводя "Превращение" на чешский язык, чуткая Милена догадывалась, в каком напряжённо-болезненном состоянии находился в тот момент автор. Его дневники оборачивались подчас художественными текстами, а романы или новеллы – "документами" кафковской биографии. Тут всё было сочинено и одновременно ни одно слово не было выдумано.

Голый среди одетых

Будучи писателем редкого воображения, Франц Кафка в жизни часто проявлял себя человеком весьма реалистичным. Когда Милена, восхищаясь литературным талантом своего друга, мечтала с пером в руке об их совместном будущем, Кафка трезво ей отвечал: "Никогда мы не будем жить вместе, в общей квартире, бок о бок, с общим столом – никогда; даже общего города у нас не будет". И далее: "У меня нет вовсе никаких планов, вовсе никаких видов, ходить в будущее я не умею, я могу в будущее только проваливаться, нырять с головой, скатываться в будущее, споткнувшись, лететь в будущее кувырком".

Именно поэтому он был изгоем не только в любви. Во многих жизненных ипостасях он – "чужой среди своих". Как человек, говорящий по-немецки, он иностранец среди чехов. Как богемец, он не вполне австриец. Как служащий по страхованию рабочих, он не вполне буржуа. Как бюргерский сын – чужой для рабочих. Но и на службе он не был весь, ибо чувствовал себя писателем. Но и писателем он не был, ибо хотел отдавать все силы семье. Но и в своей семье он был "более чужим, чем самый чужой"...

Лучше всех знавшая Кафку, Милена писала: "Для него жизнь является чем-то совершенно иным, чем для всех других людей: деньги, биржа, пункт для обмена валюты, даже пишущая машинка – вещи в его глазах абсолютно мистические (и они действительно таковы, только мы, другие, этого не видим), они для него самые удивительные загадки. Конечно, мы-то как будто приспособлены к жизни, но это лишь потому, что нам однажды удалось найти спасение во лжи, в слепоте, в воодушевлении, в оптимизме, в непоколебимости убеждения, в пессимизме – в чём угодно. А он никогда не искал спасительного убежища, ни в чём. Он абсолютно не способен солгать, как не способен напиться. Нет у него прибежища, нет крыши над головой. Поэтому он целиком во власти того, от чего мы защищены. Он – как голый среди одетых".